

"Даэш можно победить политическим путем"

Пьер Аски

опубликовано 21 ноября 2015

Глава дипломатии Европейского Союза Федерика Могерини считает, что "у нас есть возможность – может быть, впервые – добиться политических преобразований в Сирии, которые положат конец войне".

Чуть более года Федерика Могерини занимает пост Верховного Представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности. Именно эта позиция оказалась наиболее востребованной в этот год многочисленных кризисов. Сорокадвухлетняя итальянка, встреченная поначалу с недоверием представителями европейского истеблишмента, демонстрирует свой собственный стиль работы, проявившийся, в частности, в ходе заключительного этапа переговоров по иранской ядерной проблеме.

В ходе диалога с гражданами в рамках форума "Journées de Bruxelles" (Брюссельские дни), организованного 18-19 ноября изданием "L'Obs" и бельгийскими ежедневными изданиями "Le Soir" и "De Standaard", Федерика Могерини не побоялась признать неудачи ЕС, в частности, перед лицом большого потока беженцев в условиях и при отсутствии единства, за которые ей "стыдно", и слабость Европы в борьбе с терроризмом.

Но в интервью представителям трех СМИ-организаторов "Брюссельских дней", она говорит об основаниях для оптимизма, в частности, в том, что касается "возможности – может быть, впервые – добиться политических преобразований в Сирии, которые положат конец войне".

Действительно ли Европа находится в состоянии войны, как заявил Франсуа Олланд?

- Нет, Европа не находится в состоянии войны. В понедельник Европа приняла решение ответить на просьбу Франции обеспечить поддержку со стороны стран-членов на двусторонней основе в рамках ЕС. Тот факт, что Франция решила прибегнуть к статье 42/7 Договора, является ясным политическим сигналом. Но, тем не менее, Европа не находится в состоянии войны. Еще есть возможность найти альтернативный подход.

Но что конкретно предполагает статья 42/7?

- Если одна страна-член ЕС подвергается вооруженной агрессии, другие страны-члены обязуются предоставить ей помощь и поддержку в меру их возможностей. В ближайшее время произойдет следующее: Франция начнет двусторонние переговоры с другими странами-членами ЕС, чтобы определить формы как военной, так и невоенной помощи с их стороны.

Вы говорите, что Европа не находится в состоянии войны, но об этом говорят другие, и мы видим, что идет военная операция и что она будет развиваться дальше...

- Против "Даэш" (ИГИЛ) уже больше года действует военная коалиция. Европа не единственная её участница. В нее входят также наши арабские партнёры, вместе с Иорданией, Египтом, Ливаном, странами Персидского залива, многими арабскими и мусульманскими государствами. И если ведётся война с "Даэш" (ИГИЛ), то они её равноправные участники.

Но слова здесь имеют большое значение. Мы все участвуем, включая и 28 стран-членов ЕС. Одни принимают военное участие в операциях на местах, в Ираке и даже в Сирии; другие, и среди них Европейский Союз как таковой, действуют невоенными методами. Однако большинство наших стран сотрудничает с нашими арабскими партнерами, в частности, с Ираком, в сфере борьбы с "Даэш" (ИГИЛ) невоенными способами: работа в освобожденных зонах, выявления источников финансирования "Даэш" (ИГИЛ) ...

Но с "Даэш" (ИГИЛ) лучше всего бороться – и более того, его можно победить – политическим путем. Это тот процесс, который мы запустили в Вене: у нас есть возможность

– может быть, впервые – добиться политических преобразований в Сирии, которые положат конец войне.

На чем основан ваш оптимизм?

- Сейчас не время говорить об оптимизме. Но есть подвижки. Впервые за столом переговоров собрались все заинтересованные участники. Ранее Иран не участвовал (в *женевских переговорах - прим. ред.*). Если сейчас Иран в переговорах участвует, то это не случайность. Это по тому, что в июле мы достигли договоренности по иранской ядерной проблеме, что говорит о готовности этой страны стать частью международного сообщества. Существует вероятность, хотя её ещё нужно проверить, что иранские власти смогут конструктивно сотрудничать с другими региональными лидерами.

Поскольку за этим столом представлены все международные и региональные акторы, особенно те, кто имеет влияние на власти Сирии, возрастает вероятность, что принятые в Вене решения будут проведены в жизнь. Саудовская Аравия и Иран, США и Россия, Европейский Союз и ООН... Количество участников и их разнообразие, различие их повесток и перспектив затрудняют переговоры.

Но как только мы достигнем договоренности, все станет гораздо реальнее. Результаты, достигнутые в ходе переговоров "Женева 1" и "Женева 2", мало повлияли на ситуацию на местах. Вопрос не в том, чтобы договориться между собой, а в том, чтобы договориться с теми, кто поддерживает режим.

Удастся ли Асаду сохранить голову теперь, когда врагом объявлен "Даэш" (ИГИЛ)?

-То, что случилось в Париже, а также до этого – теракт в Бейруте, атака на российский самолёт, теракты в Турции – не могло не повлиять на динамику сирийского вопроса.

Все это может ускорить политический процесс вокруг Сирии. Все понимают или должны понимать, что задачей номер один не является борьба с "Даэш" (ИГИЛ) ради того, чтобы Асад мог сохранить свой пост. После четырех лет гражданской войны это было бы нереально. Задачей номер один должна стать одновременно и борьба с "Даэш" (ИГИЛ) с максимально широким международным участием, и подготовка процесса политического перехода в Дамаске.

Два эти процесса могли бы взаимно усиливать друг друга. То, что произошло в Париже и то, что произошло за несколько недель до этого, своеобразным образом говорит региональным акторам: больше терпеть нельзя.

Не горько ли от того, что для этого потребовались гибель российского самолета, Бейрут, Париж,...

- ... и помимо этого, гибель многих сирийцев! Но разве нам не пришлось стать свидетелями гибели в Средиземном море корабля с 700 беженцами, прежде чем мы признали, что это европейская проблема? И еще: уже много лет высказывалось мнение, что с этим что-то нужно делать! Да, это горько, ужасно, но, если после всех этих трагедий мы ничего не сделаем, будет еще хуже.

В сирийском контексте, безусловно, новым элементом стало вмешательство России и ее военное участие. Но Европа все еще не готова доверять Владимиру Путину, особенно после Украины. Является ли он нашим партнером в этом "новом плане действий"?

- Вы говорите "после событий на Украине", но украинский кризис еще не разрешен. Мы продолжаем работать в этом направлении... Тем не менее, я могу вам сказать, что Россия, как минимум с тех пор, как я вступила в должность, показала себя конструктивным актором при решении следующих вопросов:

- переговоры с Ираном;
- процесс ближневосточного мирного урегулирования, в котором Россия играет очень позитивную роль в "Квартете";

- и наконец, наша военно-морская операция в Средиземном море против незаконных перевозчиков, за которую Россия проголосовала в Совете Безопасности ООН, несмотря на многочисленные спекуляции в прессе о возможном применении с ее стороны права вето.

Что касается Сирии, позиция России в отношении Асада отличается от позиции Европейского Союза, но я думаю, что ЕС, Россия и другие акторы могут достичь взаимопонимания, что позволит двигаться дальше. Могут быть различные взгляды на режим Асада, но мы вместе стремимся найти решение для этого конфликта и привлечь эту страну к борьбе с "Даэш" (ИГИЛ).

Никто, и в том числе Россия, не высказывается против установления мира в Сирии. Но Россия так активно действует в Сирии, потому что ее присутствие там, ее военно-морская база, представляет для нее долгосрочный стратегический интерес. Будет ли учитываться этот стратегический российский интерес при разрешении сирийской проблемы?

- Я не могу говорить за Россию и ее интересы. Но нам удалось прийти к соглашению по Ирану, потому что мы не побоялись сесть за стол переговоров с нашими собственными интересами.

Если Россия заинтересована в стабильной Сирии, где произойдет смена правительства, где будет восстановлена территориальная целостность, где не будет раскола по этническому или конфессиональному признаку, в Сирии, которая станет, например, светским государством, которая будет поддерживать хорошие отношения со своими соседями, то все это будет также отвечать и нашим интересам.

У России могут быть дополнительные интересы, но мы можем найти общий язык: в конце концов, речь идет о регионе, который находится по соседству со всеми нами. Это наш Восток, и их Запад! У них так же, как и у нас, есть много "иностранных боевиков".

У нас разные интересы. Но именно поэтому так важны переговоры в Вене: если мы сможем совместить интересы 17 или 18 участников, найти общий язык, то, да, это станет основой долгосрочного решения.

Сможет ли развитие сирийской ситуации, на которое вы рассчитываете, улучшить отношения между ЕС и Россией, повлиять на решение украинской проблемы?

- Если Россия будет вести себя в международном сообществе более ответственно и конструктивно, то это пойдет на пользу нашим двусторонним отношениям, которые до украинского кризиса были хорошими и которые значительно ухудшились не из-за смены чьего-то настроения, а по причине серьезного нарушения международного права.

Я думаю, что полное выполнение Минских соглашений (по Украине – прим. ред) будет иметь решающее значение для полного восстановления отношений между ЕС и Россией. С другой стороны, на мой взгляд, важно не допустить возникновения ситуации "баш на баш" применительно к Сирии и Украине. Мы не ослабим наше внимание к ситуации на Украине.

Но об отмене санкций в отношении России речь пока не идет?

- 28 глав стран ЕС решили, что отмена санкций будет увязана с полным выполнением Минских соглашений. К этому вопросу они вернуться на заседании Совета в декабре. Но мы все вместе должны делать больше. Я всегда говорила, что санкции сами по себе не являются политикой. Наша задача на Украине - добиться того, чтобы страна справилась с внутренними вызовами, экономическими и социальными, с коррупцией, реформировала актуальные государственные сферы, укрепила устойчивость...

Вы же понимаете, что многие европейцы считают, что Европа махнула на них рукой перед лицом греческого кризиса, проблемы беженцев, Сирии, отсутствия координации в работе служб, собирающих информацию...?

- Я вижу две противоположные тенденции. С одной стороны, разочарование и фрустрация при виде Европы, которая не делает того, что должна. Иногда это оправдано. В ситуации с мигрантами Европа могла бы работать на опережение, а не реагировать на случившееся.

С другой стороны, сам факт того, что граждане Европы обращаются к Брюсселю и требуют от него действий по всем упомянутым вами проблемам, доказываем, что на Европу возлагаются ожидания, которых несколько лет назад еще не было. То говорят, что Европа ничего не может, то - что она должна решать все проблемы. Последний дискурс, в свою очередь, подпитывает первый, так как Европа не может делать все и решать все проблемы.

На самом деле вопрос стоит так: что есть Европа? Это несколько зданий в Брюсселе? Или еще точнее здание Совета ЕС, который представляет 28 стран-членов?

Говоря о том, что Европа недостаточно быстро отреагировала на кризис мигрантов и беженцев, вспомните: Европейская Комиссия представила свой план в мае, Совет отклонил его в июне, а в июле принял с незначительными оговорками и окончательно одобрил в сентябре. В ноябре ничтожно малая часть из этого реализована. В некоторых столицах любят сваливать все на Брюссель.

Иногда можно услышать совсем шизофренические заявления: во Франции "Народный Фронт" выступает против Европы, против Шенгена, за восстановление контроля на границах...

- Но когда говоришь с ними серьезно, например, о терроризме, могут ли они привести весомые аргументы, чтобы подтвердить, что есть иные способы решения этих проблемы без сотрудничества с другими? Или по вопросу глобального потепления, снижения бедности, даже если в данный момент эти проблемы их не интересуют.

Везде в Европе понимают, что нужно инвестировать в Африку, чтобы дать ее жителям шанс на жизнь. Но это можно сделать, только объединив усилиями.

В глобальном мире идея изоляции может мгновенно успокоить все страхи, но перед лицом сложных вызовов нашего времени носители данной идеи должны признать, что только участие многих и сотрудничество между ними позволяют находить решения.

С экономической точки зрения, Европа является сверхдержавой, но по сравнению с остальными даже крупнейшие страны ЕС, по отдельности, не имеют большого веса. Сжатая информация моментально уменьшает страхи, но только рациональный подход позволит защитить наши интересы в долгосрочной перспективе. И это не вопрос прекраснотушия или идеализма.

Складывается впечатление, что внешняя политика Евросоюза меняется в сторону *realpolitik*, с выраженным акцентом на свои интересы. Мы говорили о России, это же касается и Турции: ЕС месяцами критиковал Эрдогана, а теперь он чуть ли не наша последняя надежда на то, чтобы сдержать или остановить поток беженцев. Собираемся ли мы забыть о правах человека и нашей критике в случаях нарушения основных ценностей?

- Наши отношения с Турцией являются сложными, и такими они были всегда. Турция – страна-кандидат на вступление в ЕС, сосед, региональная (а в потенциале и глобальная) сила, государство, имеющее отношение к высшей степени сложной проблеме Европы – кипрскому вопросу, страна, дающая приют более чем 2 млн беженцев, наш экономический, торговый и энергетический партнер...

Если сосредоточить внимание только на беженцах, то мы рискуем не увидеть общую картину. Моя задача – работать над нашими отношениями с Турцией в комплексе.

В данный момент вопрос о мигрантах и беженцах становится ключевым, в связи, конечно же, с сирийским вопросом, но есть еще и проблема курдов, которые тоже являются важной ставкой в региональной игре с точки зрения безопасности. Но есть еще проблема внутренних реформ, права человека, борьба с терроризмом: и речь не идет о том, чтобы пожертвовать чем-то одним ради другого.

Будет ли легче найти 3 млрд евро, чтобы инвестировать их в наши отношения с Турцией, чем 1,8 млрд евро, которые страны-члены должны инвестировать в Фонд поддержки Африки?

- Если мы сведем все обсуждение только к вопросу о деньгах, это будет неверно. Поверьте, речь не идет о деньгах в обмен на сдерживание потока беженцев, ни в случае с Турцией, ни применительно к Африке.

Нам нужны деньги для Африки не потому, что африканские страны принимают больше беженцев, чем Европа. Мы должны инвестировать в экономику, в безопасность, в борьбу с нелегальными перевозчиками.

И нам нужны деньги для Турции. В наших интересах помочь им, чтобы их общество могло справиться с этим кризисом. Присутствие двух миллионов беженцев на очень малой территории, граничащей с Сирией, может создать проблемы внутри самой Турции – экономические, социальные, в сфере безопасности. То же самое относится и к Ливану, и к Иордании.

Мы ничего не приобретаем, но это и не благотворительность. Если мы вкладывает средства, то лишь для того, чтобы совместно справиться с проблемой, которая касается нас всех.

В ваших выступлениях, особенно перед прессой, вы иногда говорите более простым и человеческим языком, чем тот, который мы привыкли слышать от глав дипломатических ведомств. Вы пытаетесь создать свой собственный стиль, не свойственный людям вашей должности?

- Вы хотите сказать "придать Европе человеческое лицо"? (*смеется*) Я такая как есть, я не могу быть иной. Зачастую мои чувства, особенно если они очень сильные, прорываются наружу. Иногда это хорошо, иногда – плохо, особенно в дипломатии.

Тем не менее, скажу следующее: иногда Европа воспринимается как несколько ее зданий, как набор технических процедур. Я считаю, что моя работа состоит также и в том, чтобы общаться с общественностью, перед которой мы должны отчитываться.

Иногда можно услышать мнение, что Европа расколота. Это так, хоть и в значительно меньшей степени, чем говорят, и если это не подчеркивать, то и не заметят. Каждый раз, когда у меня есть возможность сказать об укреплении нашего единства, я это делаю, так как это работает на общий результат, и это укрепляет доверие к Европе, прежде всего со стороны граждан европейских стран, но также позволяет нашей дипломатии работать более эффективно.

Беседу записали: Барт Беирлан, Пьер Аски, Юрек Кучкиевич